

На правах рукописи

ШЕСТАКОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА

**НОВЫЕ СУБЪЕКТЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ
СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Краснодар

2023

Работа выполнена в ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»

- Научный руководитель:** **Гнедаш Анна Александровна,**
кандидат политических наук, доцент (г.Краснодар)
- Официальные оппоненты:** **Никовская Лариса Игоревна,**
доктор социологических наук, главный научный сотрудник
Отдела исследования социально-политических отношений
Института социологии ФНИСЦ РАН, руководитель
исследовательского комитета по публичной политике и
гражданскому обществу Российской ассоциации
политической науки (РАПН) (г. Москва).
- Ефанова Елена Владимировна,**
кандидат политических наук, доцент кафедры социологии
и политологии Волгоградского государственного
университета (г. Волгоград).
- Ведущая организация:** ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург).

Защита состоится 30 июня 2023 г. в 12 час. 00 минут на заседании диссертационного совета ДС 24.2.320.08 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149., аудитория 231.

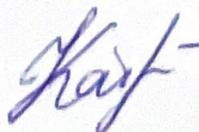
E-mail: dis_polits@kubsu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «КубГУ». Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК при Минобрнауки РФ: <http://vak.ed.gov.ru>

Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан 02.05.2023 г.

И.О. ученого секретаря
диссертационного совета,
профессор

В.В. Катермина

1.ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Под воздействием информационно-коммуникационных технологий усложняется пространство публичной политики за счет множественности дискурса, что приводит к формированию новых субъектов публичной политики, предлагающих современные альтернативные способы решения публичных проблем. Новые субъекты публичной политики задают тренды в использовании политических технологий в ведении политических кампаний и взаимодействии с электоратом, а также трансформируют особенности действий традиционных субъектов публичной политики, которые вынуждены существовать в современных условиях. Неполитические субъекты попадают в контекст политики под воздействием условий актуализации политической субъектности и становятся политическими агентами, объединёнными между собой воображаемой сетью взаимодействий, политических интересов и событийным аспектом. Неполитические субъекты и новые субъекты публичной политики под воздействием актуализации субъектности пытаются включиться в политический процесс и закрепиться в дискурсивном поле политики и напрямую или косвенно участвовать в принятии политических решений.

Интерпретация прилагательного «новый», в контексте понимания субъектности обуславливается лингвистическим значением слова. Согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой¹, понятие «новый» определяется как «пришедший на смену старому», «относящийся к настоящему времени, современный». По толковому словарю С.И. Ожегова² прилагательное «новый» интерпретируется как «относящийся к ближайшему прошлому или к настоящему времени». Лингвистическое значение слова «новый» подтверждает легитимность использования этого прилагательного по отношению к изучаемому объекту исследования.

Интернет-пространство выступает в качестве площадки коммуникации и взаимодействия, которая соединяет интересы традиционных и новых субъектов публичной политики и формирует политический дискурс, тиражируемый за пределами онлайн-пространства.

По данным компании Mediascope³ за июль-сентябрь 2021 года общая структура аудитории Интернет в России составила 100,2 млн. человек – ещё в октябре-декабре 2020 года этот показатель составлял 97,7 млн. человек – при этом 40 % пользователей пользуются Интернетом через мобильное устройство и 60 % используют компьютер и телефон в равном объеме. Как отмечает компания Brand Analytics⁴, произошло признание компаниями и государством значения социальных медиа. При этом публичность в социальных сетях повышает рейтинг доверия к политикам, партиям в том случае, если пользователь убежден в

---

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азъ, 1996. С. 560.

³ Mediascope. URL: <https://webindex.mediascope.net/> (Дата обращения: 15.10.2022).

⁴ Media trends. Media persons. URL: <https://br-analytics.ru/mediatrends/mediaperson> (Дата обращения: 15.10.2022).

честности намерений и достоверности публикуемой информации. И поскольку эффективность современных методов верификации информации весьма высока, существует опасность потерять аудиторию в случае публикации непроверенной информации. Как следствие, повышается роль новых субъектов публичной политики, деятельность которых разворачивается в онлайн-пространстве.

События 2020 года, связанные с всемирной пандемией коронавируса, повлекли за собой изменения во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в Интернет-пространстве. Необходимая изоляция людей от социальной среды вынудила аудиторию, не являющуюся пользователями Интернет-пространства, действовать по правилам, которые диктовала сложившаяся реальность. Дистанционная среда спродуцировала модель поведения, предполагающую вынужденно уделять онлайн социальным платформам большее количество времени, по сравнению с периодом до пандемии коронавируса. Все, кто до событий вынужденной самоизоляции отрицал значение Интернета в социальной, политической и экономической жизни, были вынуждены вступить на путь сетевого взаимодействия в силу отсутствия других возможностей поддержания коммуникативных практик и социально-политического действия.

По данным информационного агентства ТАСС¹, в апреле 2020 года в период самоизоляции время потребления Интернета значительно увеличилось. По данным WEB-Index², в апреле 2020 года потребители Интернет-среды возрастной категории старше 12 лет ежедневно уделяли время потреблению интернет-контента на 12% дольше, чем в марте 2020 года.

Глобальная цифровизация обуславливает новое прочтение теории о сетевом обществе и публичной политике. Социальные сети становятся не просто частью досуга, но и каналом коммуникации, где взаимодействуют медийные личности, политики, известные деятели. Сетевое построение процессов ускоряет стирание условных барьеров между политическими акторами и обществом, между личным и публичным. Становление сетевого общества, при котором «вертикальные» отношения трансформируются «горизонтальные», уравнивая всех в статусных позициях, перевернуло восприятие многих общепринятых норм.

Определяя социальную проблему, мы говорим о том, что онлайн- и офлайн-практики являются двумя сторонами единого глобального физического пространства, где базируются социальные субъекты и объекты, состоящие из отдельных индивидов, публики, компаний, сообществ. Они производят социальные практики или социальные действия, которые имеют разный вектор влияния по отношению к этим двум парадигмальным категориям. Субъекты глобального физического пространства продуцируют социальные практики одновременно в двух парадигмах действительности. Происходящие процессы перетекают из онлайн-среды в офлайн-среду и обратно, трансформируясь под воздействием конструктивных или деструктивных практик социального

---

¹ Тасс. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9508331>. (Дата обращения: 15.10.2022)

² Mediascope. URL: <https://webindex.mediascope.net/>. (Дата обращения: 15.10.2022)

действия. При этом офлайн-пространство формирует запрос, который реализуется как онлайн-взаимодействие и может обратно переходить в офлайн.

Онлайн-пространство, в свою очередь, задаёт особого типа коммуникативную ситуацию, конструируя дискурс и задавая тон вектору общения для репрезентации новых субъектов публичной политики.

Научная проблема состоит в осмыслении процесса формирования субъектности акторов публичной политики, механизмов и технологий взаимодействия власти и гражданского общества, определяющих развитие принципиально нового дискурса публичной политики, реализующейся в условиях глобальной цифровизации. Цифровая среда позволяет накапливать и фиксировать большие данные. Большие данные – обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объёмов и значительного многообразия, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами. В современных условиях переизбытка информации, что приводит к сложностям в систематизации и структуризации нужного контента, возникает необходимость создания площадок для упорядочивания научной информации с целью её применения в исследованиях социальных процессов.

В этом контексте необходимо рассмотреть функционирование новых субъектов публичной политики в онлайн-пространстве. В контексте сетевого общества происходят изменения практик пользователей: интегрируясь в цифровую среду, отношения между пользователями переходят в стадию сетевых отношений и сетевого взаимодействия. В контексте сетевой практики пользователи совершают различные социальные действия, тем самым конструируя повестку, общественный дискурс и задавая вектор новым тенденциям в сфере публичной политики.

Таким образом, в сетевом пространстве наблюдаются сетевые практики, продуцируемые значительным числом новых субъектов публичной политики, что оказывает влияние на публичную политику в условиях сетевого общества. И именно в выявлении новых практик и закономерностей актуализации новых субъектов публичной политики в офлайн- и онлайн-пространстве современных государств и заключается практическая актуальность настоящей диссертации.

Степень научной разработанности проблемы. В ходе исследования нами будут рассмотрены четыре области исследования, раскрывающие понимание: публичности и публичной политики; сетей и сетевого общества; Интернета и социальных сетей; традиционных и новых субъектов публичной политики.

Сущность понятия публичности и публики впервые рассмотрел И. Кант¹, который также предложил частное и публичное объяснение разума. В своей работе «Философия права» Г. Гегель² рассматривает государство и общество как единый организм, в котором все процессы должны быть связаны между собой. Важным выводом является то, что государство выражает через себя концепт

---

¹ Кант И. Ответ на вопрос «Что такое Просвещение?» (1784) // Сочинения в 6 т. М., 1966. Т.6. С. 24-36.

² Гегель Г. Философия права. М., 1990.

публичности, сущность которого состоит в ограничении частной сферы. Г. Гегель определил ведущие характеристики гражданского общества, которое является традиционным субъектом публичной политики, где особо выделены публичность и всеобщая осведомленность.

Исследования публичной политики с позиции определения публичности представлены фундаментальными трудами Х. Арендт, П. Бурдьё, И. Гофмана, Н. Лумана, Ю. Хабермаса¹. Описывая первобытную публичность и представляя политику через понятие свободы, Х. Арендт утверждает, что политика может закладываться и функционировать только в публичном, являющемся частью социального, пространстве, которое разграничено на частную и публичную жизнь. Публичную сферу П. Бурдьё раскрывает в контексте теории поля, где известность и признание является желаемым обладанием символического капитала. И. Гофман определяет публичную сферу как способ организации публичного пространства через практики коммуникационного взаимодействия.

Опираясь на труды И. Канта и Г. Гегеля, Ю. Хабермас выделяет идеальную модель публичности, где определяет политическую особенность к рассуждению как категорию гражданской публичности, рассуждая о дихотомии публичного и частного. Н. Луман также разграничивает понятие частной и публичной сфер. Однако в отличие от Х. Арендт, он привносит в определение публичности собственную модель коммуникации, как и Ю. Хабермас, представленную в категориальном аппарате коммуникативного действия. Х. Арендт, Ю. Хабермас и Н. Луман заложили фундаментальный задел в понимание и трактовку политической публичности и публичной политики как макросоциальных явлений.

Концептуализация понятия «публичная политика» была проведена такими исследователями, как Ю.А. Красин, О.Ю. Малинова, Л.И. Никовская, В.Н. Якимец, А.Ю. Сунгуров, Н.Ю. Беляева, А.И. Соловьев². В частности, Ю.А. Красин концептуализирует понятия «публичная сфера» и «публичное пространство», выделяя компоненты «публичной сферы»: экономический, социальный, гражданско-политический и социокультурный. О.Ю. Малинова определяет публичную политику в контексте конструирования общественного мнения и, как и А.И. Соловьев, описывает модели процесса публичной

---

¹ Арендт Х. *Vita Activa* или о деятельной жизни. СПб., 2000. С. 32-33.; Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. Санкт-Петербург, 2005. 255 с.; Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни* / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.; Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб. 2001.; Луман Н. *Реальность массмедиа* / Пер с нем А. Ю. Антоновского. М., 2005. С. 160

² Красин Ю. А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // *Полития*. 2004. № 3. С. 5 – 23.; Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России. *Полис. Политические исследования*. 2007. № 1. С. 6-21.; Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // *Полития*. 2007. № 1. С. 30-51.; Никовская Л.И. Блогинг как стремительно растущий институт публичной политики в контексте формирующегося сетевого общества // *Социально-политические исследования*. 2022. № 4 (17). С. 5–17.; Сунгуров А. Ю. Публичная политика и экспертиза // *Пчела*. 2004. № 1 (45). С. 15-6; Беляева Н.Ю. «Публичная политика» как термин, понятие и научная категория. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Belyaeva_publ_pol_kak_termin.pdf (Дата обращения: 15.10.2022); Соловьев А.И. *Государственное управление и публичная политика* // *Гражданский сектор государственного управления* / Под ред. проф. А.И. Соловьева. Москва: Аргмак-медиа, 2018. С. 13-33.

политики. Л.И. Никовская интерпретирует понятие публичной политики через программы и приоритеты органов власти, а также механизмы и технологии их реализации, которые вырабатываются в контексте интересов гражданского общества. А.Ю. Сунгуров определяет публичную политику как процесс принятия решений и как поле взаимодействия государства и общества. Н.Ю. Беляева интерпретирует термин, понятие и категорию публичной политики, делая акцент на том, что категориальный аппарат публичной политики имеет тесную связь с другими системными единицами.

Цифровизацию публичной политики рассматривали такие исследователи, как А.Е. Коньков, С.В. Володенков¹, в частности, раскрывая феномен цифровизации в политическом процессе. А.В. Волкова рассматривает этику сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля в условиях цифровизации общества и политических отношений.² Группа учёных Н.А. Рябченко, А.А. Гнедаш, В.В. Катермина³ рассматривают практики управления политическим контентом в онлайн-пространстве. А.В. Баранов, С.В. Васюк в своей работе «Политические технологии установления медиаповестки дня и фрейминга в Интернет-СМИ» описывают важность конструирования политического дискурса в онлайн-пространстве в контексте управления общественным мнением по средствам интернет-СМИ.⁴

В области сетевой теории, источниками, на которые мы будем опираться при написании диссертационной работы, будут труды отечественных и зарубежных ученых. В трудах М. Кастельса по теории общества сетевых структур⁵ сетевое общество – это общество, социальная структура которого в основном основана на сетях, которые активируются новыми информационными технологиями и достижениями микроэлектронной революции.

Политологическую концепцию с позиции сетевого взаимодействия раскрывают Л.В. Сморгун, А.С. Шерстобитов, Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, Н.А. Рябченко⁶, рассматривающие общество, как структуру, в котором публичная политика носит сетевой характер.

---

¹ Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47–68; Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 6–24.

² Волкова А.В. Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3 (29). С. 59–64.

³ Рябченко Н. А., Катермина В. В., Гнедаш А. А., Вульфович Б. Г. Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-politicheskiy-diskurs-teoreticheskaya-model-metodologiya-issledovaniya-i-praktiki-upravleniya-politicheskim-kontentom-v>. (Дата обращения: 15.10.2022).

⁴ Баранов А.В., Васюк С.В. Политические технологии установления медиаповестки дня и фрейминга в Интернет-СМИ (на материалах воссоединения Крыма с Россией) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. Т. 13, № 2. С. 47–56.

⁵ Кастельс М. Власть коммуникации. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 23.; Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Москва, 2004. С. 155; Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. Москва: Academia, 1999. С. 494–505.

⁶ Сморгун Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа. Москва: Издательство Аспект Пресс, 2014. 320 с.; Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Полис. 2011. №1. С. 141–153.;

А.В. Глухова, А. И. Кольба, А.В. Соколов, Р.В. Савенков¹ изучают сетевой потенциал политических сетей политико-конфликтных взаимодействий городских сообществ.

Социокультурный компонент сетевой публичной политики – сетевую политическую культуру рассматривают исследователи З. А. Жаде, С. А. Ляушева, отмечая, что сетевая культура строится на системе сетевого взаимодействия, которая влияет на образование и конструирование нового типа личности, являющуюся субъектом социально-политического взаимодействия².

Е.В. Ефанова и Мельниченко Д.В. рассматривают как социальные медиа становятся новым политическим пространством и инструментом публичной политики как в России, так и в зарубежных странах³.

Вопросы политического протеста молодежи российских мегаполисов в социальных сетях, а также технологии и модели молодежной политической онлайн-мобилизации и цифрового вигилантизма подробно раскрыты в работах О.В. Поповой, Е.О. Негрова, Г.В. Лукьяновой, С.И. Сулова, Д.С. Мартянова и Н.А. Мартяновой⁴.

Социологическая концепция исследования сетей предполагает изучение социологии мобильности (Д. Урри), феномена социального действия и социального взаимодействия (М. Вебер)⁵. Сетевые принципы были охарактеризованы французскими постструктуралистами Ж. Делезом и Ф. Гваттари⁶. Специфику сетевых структур как противопоставление иерархическим конструкциям рассматривали Л.А. Коробейникова, Ю.А. Гиль,

---

Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С 52.; Рябченко Н.А. Online-социальные сети в публичной политике: «Семь мостов» Египта [Электронный ресурс] Режим доступа: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2011_4/2011_4_Ryabchenko.pdf (Дата обращения: 15.10.2022).

¹ Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты // Политическая наука. 2021. № 4. С. 185-209.; Савенков Р.В., Сотников А.И. Стратегия и тактика действий региональных и муниципальных властей в период локальных акций общественного протеста (пример Воронежской области 2016–2018 гг.). URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__76._oktjabr_2019_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/savenkov_sotnikov.pdf (Дата обращения: 15.10.2022).

² Жаде З.А., Ляушева С.А. Новые тенденции в исследовании сетевой идентичности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-v-issledovanii-setevoy-identichnosti> (Дата обращения: 15.10.2022).

³ Ефанова Е.В., Мельниченко Д.В. Социальные медиа как инструмент публичной политики в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 1. С. 92–95.; Ефанова Е.В. Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 172–179.

⁴ Попова О.В. Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 2. С. 28–54.; Попова О.В., Сулов С.И. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к "ненаблюдаемым" группам // Политическая наука. 2021. № 1. С. 160–182.; Негров Е.О. Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 18–30.; Лукьянова Г.В., Мартянов Д.С. Спонтанный вигилантизм и конфликтогенный потенциал повседневного интернет-дискурса // Конфликтология / nota bene. 2022. № 1. С. 32–47.; Мартянов Д.С., Мартянова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп ВКонтакте // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 79–93.

⁵ Урри Д. Мобильности. Москва: Праксис, 2012. 576 с.; Вебер М. Хозяйство и общество. Беркли, 1978. П. 24-25.

⁶ Делёз Ж. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. 136 с.

Д.А. Новиков, Е.А. Бердник¹, подразделяя их на статичные и динамичные. Феномен «сетевой культуры» изучают Е.А. Бердник, Т. Терранова² для интерпретации коммуникативной среды интернета и для обозначения культуры, основанной на сетевой логике.

Вклад в изучение феномена сетевого взаимодействия с позиции социальной психологии и социальной антропологии внесли Д. Морено, Дж. Барнз, А. Рэдклифф-Браун³.

Во второй половине XX в. существенно расширился системный анализ социальных сетей в работах таких исследователей, как С. Боргэтти, Р. Берт, Б. Веллман, Д.Р. Вайт, М. Грэноветтер, С. Воссерман, Л. Фримен. Социальные сети С. Боргэтти⁴ представляет в виде графов, в которых раскрывает понятие структуры ядра и периферии, концепция которой предполагает наличие плотного связного ядра и разреженной несвязанной периферии. Специфику социальных сетей Р. Берт⁵ подкрепляет обзором аргументов и доказательств связи между социальными сетями и социальным капиталом, где сетевые механизмы несут ответственность за эффекты социального капитала. Д.Р. Вайт⁶ рассматривает сетевые связи через сплочённость групп, что отображает паттерны сетевых связей в содержательные гипотезы о социальной сплочённости, которая повышается, за счет нескольких соединений между членами группы. М. Грэноветтер⁷ подчёркивает важность слабых связей в сети, потому что их вероятность стать мостом больше, чем можно было бы ожидать от их количества. Сетевую теорию рассматривал Л. Фримен⁸, выделяя типы структурированности групп, в которой блокируется возможность быть одновременно членом двух кластеров. С. Воссерман, Б. Веллман, Г.В. Градосельская⁹ применяют теоретический подход, в соответствии с которым в общественных отношениях социальной сети отводится первостепенная доминирующая роль. Сторонники акторно-сетевой теории

---

¹ Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 105–109.; Новиков Д.А. Сетевые структуры и организационные системы. М.: ИПУ РАН, 2003.; Бердник Е.А. Сетевая культура как объект социологического анализа // СОЦИОТРОСТПР- Междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе. 2011. № 1. С. 51-55.

² Terranova T. Network Culture: Politics for the Information Age. L.: Pluto Press, 2004.

³ Moreno J.L Sociometry, experimental method and science of society. N.Y.: Beacon House, 1951; Barnes, J. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations, 1954. P. 1117. Radcliffe-Brown A.R. Structure and Function in Primitive Society: Essays and Addresses. London: Cohen & West, 1952.

⁴ Borgatti S., Everett M. 1999. Models of Core/Periphery Structure // Social Networks, Nr 21 (4): 375-395.

⁵ Burt R. 2001. The Social Capital of structural holes // Guillen M.F., Collins R., England P., Meyer M. (eds.). New Directions in Economic Sociology. N.Y.: Russel Sage Foundation: 201 - 246.

⁶ White D. Harary F. The Cohesiveness of Blocks in Social Networks: Node Connectivity and Conditional Density // Sociological Methodology, No. 31. 2001. P. 305 - 359.

⁷ Granovetter M.S. 1982. The strength of weak ties: A network theory revisited // P. Marsden and N. Lin (Eds.). Social structure and network analysis. Beverly Hills: 105 - 130.

⁸ Freeman L.C. 1992. The Sociological Concept of "Group": An Empirical Test of Two Models // American Journal of Sociology. Vol. 98, No. 1: 152 - 166.

⁹ Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge, 1994. P. 45-75.; Wellman B., Leighton B. Networks, Neighborhoods, and Communities: Approaches to the Study of the Community Question // Urban Affairs Quarterly, 14(3). NY, 1979. P. 34; Градосельская Г.В. Сетевой анализ как метод исследования современных трансформаций // Социологические опыты. Сборник научных статей. Институт социологии РАН. Москва. 2002. С.29-40.

раскрывают теорию социальной сети (представители батской школы – Г. Коллинз¹, Т. Пинч)². Г. Градосельская, для того чтобы оценить все возможности сетевого подхода, предлагает «перевести концепты традиционной социологии в сетевые термины»³.

Французская школа представлена исследованиями Бруно Латура⁴ и Мишеля Каллона⁵, развивающими общетеоретические и методологические интенции акторно-сетевой теории. Эта теория является альтернативой работам конструктивистов социальной реальности (П. Бурдьё, Э. Пикеринг, Д. Харавэй⁶), постструктуралистов и модернистов (Ж. Делёз⁷, Ж. Деррида⁸).

Другую теоретическую область представляют размышления о социальной сети как целостной «квазиреальности» Р. Роуза⁹, Б.С. Сивиринова¹⁰ и её феноменологии (Н. Луман, А. Шюц)¹¹. Основные синтезируемые концепции представлены в трудах отечественных и зарубежных социологов и специалистов по социальным системам (Т. Парсонс¹², Н. Луман¹³, П. Сорокин¹⁴), аналитиков сетей (Дж. Скотт, С. Вассерман, Б. Веллман)¹⁵, сторонников акторно-сетевого подхода (Б. Латур, М. Каллон)¹⁶.

Одним из базовых подходов к исследованию модели социальной актор-сети является феноменологический подход, так как он ориентирует на

---

¹ Коллинз Р. Четыре социологические традиции. М.: Территория будущего, 2009. 317 с.

² Pinch T., Bijker W. The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // *Social Studies of Science*. 1984. № 14. P. 399-441.

³ Градосельская Г.В. Сетевой анализ как метод исследования современных трансформаций // *Социологические опыты. Сборник научных статей. Институт социологии РАН. Москва, 2002. С.29-40.*

⁴ Latour B. On technical mediation // *Common knowledge*. 1994. Т. 3. №. 2. С. 29-64.

⁵ Callon M. et al. What does it mean to say that economics is performative // *Do economists make markets*. 2007. С. 311-357.

⁶ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. Санкт-Петербург, 2005. 255 с.; Pickering A. From science as knowledge to science as practice // *Science as practice and culture*. Chicago, 1992. P. 1-29.; Haraway D. A cyborg manifesto: Science, technology and socialist feminism in the 1980s // *Socialist rev*. 1985. N 80. P.65-107.

⁷ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. с. 51, 85, 71-98.

⁸ Derrida J. (2000) *Ogrammatologii [Of Grammatology]*, Moscow.: Ad Marginem. Ivanov D.V. (2010) Aktual'naiia sotsiologiia: veselaia nauka v poiskakh zlykh istin [Actual Sociology: Laughing Science Searching for Wicked Truths]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 13 (2-3): 21-65.

⁹ Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России // *Общественные науки и современность*. 2002. № 3. С. 23-38.

¹⁰ Сивиринов Б.С. Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? // *Социс*. 2003. № 2. С. 39-44.

¹¹ Луман Н. Реальность массмедиа/Пер с нем А. Ю. Антоновского М., 2005. С. 160; Шюц, А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / Пер. с англ. Н. Смирновой // А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–50.

¹² Парсонс Т. О структуре социального действия. Москва: Академический Проект, 2000. 880 с.

¹³ Луман Н. Невероятность коммуникации [Электронный ресурс] // *Социальная теория*. 2011. Режим доступа: http://lib.mdpu.org.ua/load/Sociology/Neveroatnost_kommunikacii_N (Дата обращения: 15.10.2022).

¹⁴ Сорокин П. А. Система социологии. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. 447 с. Т. 2.

¹⁵ Scott J. *Social Network Analysis. Handbook*. London, Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1991. 83 p.; Wasserman S., Faust K. *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge, 1994. P. 45-75.; Wellman B., Leighton B. *Networks, Neighborhoods, and Communities: Approaches to the Study of the Community Question* // *Urban Affairs Quarterly*, 14(3). NY, 1979. P. 34

¹⁶ Latour B. On technical mediation // *Common knowledge*. 1994. Т. 3. №. 2. С. 29-64.; Callon M. et al. What does it mean to say that economics is performative // *Do economists make markets*. 2007. С. 311-357.

необходимость учитывать деятельность сознания по восприятию реальности¹. Согласно Б.С. Сивиринову, феноменологическая социальная реальность обладает теми же признаками, что и виртуальная, прежде всего рефлексивной основой².

Рассматривая диссертационные работы, связанные с политическими практиками и онлайн-пространством за 2018-2021 гг., следует выделить исследования А.В. Соколова, который в докторском диссертационном исследовании «Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии»³ выявил особенности генезиса, организации и результативности сетевого политического протеста в современной России, а также степень использования Интернет-инструментов в ходе его организации. А.В. Жуков в работе «Социальные сети как инструмент политической власти: влияние на международную безопасность (2020)»⁴ разработал подход к интерпретации социальной сети как новой политической власти, представляющей социальное взаимодействие, которое может угрожать безопасности государства. Г.Ю. Никипорец-Такигава в исследовании «Интернетизация политического пространства на примере России (2020)»⁵ рассматривает интеграцию Интернета в деятельность государства.

Исследователь И.Н. Гомеров⁶ раскрывает смысловое содержание понятий «политический субъект», «политическая субъектность», а также определяет формы актуализации политической субъектности. Сущность понятий традиционных субъектов публичной политики раскрывают такие исследователи как О.Т. Мясников, В.А. Михеев, А.Ю. Сунгуров, Т.В. Ермилова, В.Н. Якимец и Л.И. Никовская⁷. В частности, О.Т. Мясников выделяет факторы, обусловившие трансформации субъектов политических процессов в советский период.

---

¹ Малов Е. А. Феномен социальных сетей: акторно-сетевой контекст, теоретико-методологический анализ: дисс. ... канд. социолог. наук. Новосибирск. 2014. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-sotsialnykh-setei-aktorno-setevoi-kontekst-teoretiko-metodologicheskii-analiz>. (Дата обращения: 15.10.2022).

² Сивиринов Б.С. О феноменологической интерпретации социальной реальности. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/922/692/1217/004Sivirinov.pdf> (Дата обращения: 15.10.2022).

³ Соколов А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: дисс. ... докт. полит. наук. М. 2018. URL: <https://www.dissercat.com/content/setevoi-politicheskii-protrest-v-rossii-subekty-tendentsii-i-tehnologii> (Дата обращения: 15.10.2022).

⁴ Жуков А.В. Социальные сети как инструмент политической власти: влияние на международную безопасность: дисс. ... канд. полит. наук. М. 2021. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialnye-seti-kak-instrument-politicheskoi-vlasti-vliyanie-na-mezhdunarodnuyu-bezopasnost> (Дата обращения: 15.10.2022).

⁵ Никипорец-Такигава Г.Ю. Интернетизация политического пространства на примере России: дисс. ... докт. полит. наук. М. 2020. URL: <https://www.dissercat.com/content/internetizatsiya-politicheskogo-prostranstva-na-primere-rossii> (Дата обращения: 15.10.2022).

⁶ Гомеров И.Н. Субъект как смысловое ядро политической субъектности. URL: [https://siu.ganepa.ru/nauka/zhurnal/stati/3\(3\)-51-62.pdf](https://siu.ganepa.ru/nauka/zhurnal/stati/3(3)-51-62.pdf) (Дата обращения: 15.10.2022).

⁷ Мясников О.П. Субъекты политики // Соц.-полит. науки. 1993. №5.; Михеев В.А. Социальное партнерство и пути совершенствования публичной политики. Власть. 2005. № 7. С. 14; Сунгуров А.Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений // Публичная политика-2005. СПб., 2006. С. 9.; Ермилова Т.В. Органы власти как субъекты публичной политики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-vlasti-kak-subekty-publichnoy-politiki-1> (Дата обращения: 15.10.2022).; Никовская Л.И., Якимец В.Н. Муниципальная публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества на местном уровне // Местное право. 2022. № 4. С. 3–20.; Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики (на примере Костромской и Ярославской областей) // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 38–56.

В.А. Михеев обозначает и перечисляет субъекты публичной политики в контексте институционального компонента. А.Ю. Сунгуров характеризует субъекты публичной политики через конструктивное взаимодействие государства с другими политическими институтами. Т.В. Ермилова определяет публичную политику как деятельность, которая обеспечивается за счёт институтов – субъекты публичной политики. Л.И. Никовская и В.Н. Якимец рассматривают гражданское и общественное участие, при котором гражданское общество выступает в качестве политического субъекта в контексте публичной политики.

Переосмысление традиционной субъектности публичной политики прослеживается в работах Ю. В. Усовой, О. В. Михайловой, И.В Самаркиной¹. В частности, Ю. В. Усова уделяет внимание стратегиям коммуницирования политических элит с социальными медиа с целью снижения информационных угроз. О. В. Михайлова пишет о важности переосмысления механизмов взаимодействия государственных институтов с гражданскими структурами в условиях цифровизации, уделяя внимание виртуализации коммуникации и экспансии сетевого ландшафта. И. В. Самаркина рассматривает сетевые сообщества как часть субъективного пространства современной публичной политики.

Таким образом, в научных работах недостаточно представлены новые субъекты публичной политики (в отличие от традиционных субъектов); потенциал новых субъектов публичной политики в основном представлен с позиций их деструктивного влияния на публичную сферу в условиях цифровизации общества, а конструктивный потенциал остается слабо изученным. В политической науке отсутствует закреплённое определение новых субъектов публичной политики, как и описание характеристик и оснований политической субъектности, присущих новым субъектам публичной политики.

Объектом исследования являются новые субъекты публичной политики в сетевом обществе.

Предмет диссертационной работы – характеристики новых субъектов публичной политики и практики актуализации их субъектности в пространстве сетевой публичной политики.

Цель исследования – определить содержательные характеристики новых субъектов публичной политики, выявить и описать практики актуализации их субъектности в политическом процессе в условиях сетевизации современных обществ.

Задачи диссертационного исследования:

1) раскрыть содержание теоретических оснований исследования структурных компонентов публичной политики в условиях сетевого общества;

---

¹ Усова Ю. В. Развитие стратегий взаимодействия политических элит с социальными медиа // Философия права. 2021. № 4(99). С. 58-62.; Михайлова О. В. Современное государственное управление в условиях виртуализации и расширения сетевого ландшафта публичной политики, Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество), №4. С. 23-39, 2019.; Самаркина И. В. Политическая картина мира сообществ «ВКонтакте»: опыт анализа субъективного пространства политики в условиях сетевого общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 1. С. 87-102.

2) охарактеризовать Интернет как пространство формирования публичной политики в сетевом обществе;

3) выявить и охарактеризовать структурные и процессуальные аспекты актуализации новых субъектов публичной политики в офлайн- и онлайн-пространстве современных государств;

4) выделить содержательные характеристики функционирования цифровых лидеров, гражданских журналистов, сетевых движений и сетевых партий, блогеров и онлайн-СМИ как акторов публичной политики в зарубежных странах;

5) определить и описать особенности актуализации новых субъектов в российской публичной политике;

6) аргументировать перспективные траектории развития новых субъектов публичной политики в условиях сетевого общества.

Хронологические рамки исследования – с 1991 г. по 2021 г. Нижняя граница хронологического периода определяется становлением публичной политики в онлайн-пространстве; верхняя граница определена 2021 г. как годом, предшествующим крупнейшим турбулентным событиям в мировой политике в 2022 г.

Географические рамки исследования были определены параметрами, которые определялись на основании масштабности представленности и результативности процессов актуализации новых субъектов публичной политики, деятельность которых инкорпорировалась за пределы одной страны.

Теоретико-методологические основания, используемые в данной научной работе, соответствуют предмету исследования, а общая методология использована с учетом решаемых задач.

В диссертационной работе использованы сетевой подход, коммуникативный подход и неинституциональный подход.

Сетевой подход и понятие сетевого общества (М. Кастельс), в частности, позволили провести исследование с позиции междисциплинарного понимания происходящих процессов. Данная парадигма позволила проанализировать изменения, переместившие сферу публичной политики в онлайн-пространство. Постструктуралистская призма исследования сетевого общества (Ж. Делез, Ф. Гваттари) также позволила рассмотреть процессы актуализации субъектности на основе сетевых принципов.

В основу исследования публичной политики с позиции коммуникативного подхода вошли теоретические разработки Ханны Арендт¹, которая, анализируя устройство полиса, выделяет в нем социальную и политическую сферы. Политическое пространство полиса Х. Арендт ассоциирует с публичной сферой, в которой действуют отношения свободы, равенства и плюрализма. В качестве основного механизма разрешения конфликтных ситуаций исследователь называет речь и убеждение. Коммуникативный подход Ю. Хабермаса² даёт

---

¹ Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. СПб., 2000. С. 32-33.

² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. 2001.

объяснение генезиса социального действия субъектов политических отношений как рационального действия и определяет сущность публичной политики.

Для решения поставленных задач анализа субъектов публичной политики применялся неинституциональный подход, который позволил описать новые субъекты публичной политики с указанием их функционального аппарата, характеристик и особенностей. Так Д. Норт¹ выделяет формальные институты, образуемые людьми по определённым правилам, и неформальные институты, сложившиеся под воздействием механизмов в ходе общественного развития. Этот подход обосновывает формирование новых субъектов публичной политики, как неформальных институтов. С позиции неинституционального подхода П. Ди Маджио и У. Пауэлл² рассматривали эволюцию институтов-организаций в рамках концепции изоморфизма, согласно которой происходит гомогенизирование организаций, где постепенно адаптируясь к институциональной среде, они меняют свои характеристики и в результате становятся схожими.

Теоретические положения публичной политики переосмысливаются в работах Н.Ю. Беляевой через призму государственной (государство главный политический институт) и общественной (публичная политика в интересах общества) политики и определяются как совокупность специфических процедур принятия решений с позиции прозрачности и открытости.

И.В. Мирошниченко определяет сетевую публичную политику как новое явление политической науки. Исследователь предлагает рассматривать публичную политику с позиции сетевого взаимодействия и выделяет содержательные характеристики типов публичной политики и сетевой публичной политики в зависимости от пространственного, информационно-дискурсивного, институционального, управленческо-технологического и социокультурного компонентов.

В настоящей работе использованы подходы Г. Кехлера, А.Е. Конькова и С.В. Володенкова к определению сетевой публичной политики. Рассматривая феномен цифровой толпы с позиции политической психологии, Г. Кёхлер³ приводит аргумент в пользу того, что популяризация значения Интернета дает обществу повод признать наступление новой эпохи почти безграничных процессов коммуникации, продуцирующих дальнейшее выявление человеческого потенциала. А.Е. Коньков⁴ предлагает использование цифровых технологий в политике в контексте двух парадигм: цифровизации политики как наложении технологий на политические связи и политики цифровизации, характеризующейся построением методов и технологий в политическом

---

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики (пер. с англ. А.Н. Нестеренко). М.: Фонд экономической книги Начала. 1997. 180 с.

² Ди Маджио П.Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях (пер. с англ. Г.Б. Юдина) // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 34-56.

³ Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? Лаборатория: пространства политической коммуникации // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 75-87.

⁴ Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47-68.

управлении и внедрением цифровых технологий в социальную и экономическую жизнь общества. С.В. Володенков рассматривает сценарии трансформации политического процесса под воздействием цифровизации и предлагает подход, согласно которому процессы цифровизации конструируют «новую цифровую реальность, включающую расширенный инструментарий коммуникаций, ресурсы и технологии Big Data, искусственный интеллект и нейросетевые алгоритмы работы с цифровыми данными, технологии наблюдения и распознавания визуальных образов, модели профилирования граждан на основе их персональных цифровых следов»¹.

Модель актуализации новых субъектов публичной политики в сетевом обществе была разработана посредством экстраполяции следующих теоретических моделей политического процесса и разработки политических решений: модель структуры открытых систем, построенной на идее «воронки причинности» (Р. Хоффербет)²; институциональная модель (Э. Остром)³, рассматривающая включение институтов в рассмотрение и выработку управленческих решений; модель «конкурирующих защищающих коалиций» (П. Сабатьер)⁴, в которой делается акцент на условиях, изменяющих политический курс и обязательное включение технической информации в понимание политического процесса; модель политических потоков (Дж. Кингдон)⁵, основанная на воздействии трёх потоков, составляющих процесс выработки политики.

Методы сбора и анализа данных релевантны объекту и предмету исследования, его целям и задачам.

Метод вторичного анализа данных позволил выявить особенности построения процессов в сетевом обществе в контексте публичной политики, хронологию развития Интернета как пространства публичной политики, что позволило определить особенности возникновения и практики актуализации новых субъектов публичной политики в контексте развивающегося сетевого общества.

Метод кейс-стади позволил выявить и описать специфику и особенности поведения и характеристики политической деятельности новых субъектов публичной политики в разных странах. Дизайн кейс-стади включил метод анализа контента открытых данных социальных сетей Twitter, Facebook*⁶, Instagram*⁷, YouTube, «ВКонтакте» и контента открытых данных новых

---

¹ Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 13. № 2. С. 6–24.

² Hofferbert R. The study of public policy. Indianapolis: Bobbs-Merril. 1974. 275 p.

³ Ostrom E. An Agenda for the Study of Institution. Public Choice. 1986. № 48. Pp. 3-25.

⁴ См.: Концепции и проблемы государственной политики и управления / Под ред. Л.В.Сморгунова. М: «Российская политическая энциклопедия». РОССПЭН. 2006. 384 с.

⁵ Kingdon J. Agendas, Alternatives and Public Policies. Boston: Little, Brown. 1984. 240 pp.

⁶ Здесь и далее * означает, что компания Meta и соцсети, которыми она владеет, признаны в России экстремистскими и запрещены.

⁷ Здесь и далее * означает, что компания Meta и соцсети, которыми она владеет, признаны в России экстремистскими и запрещены.

субъектов политики, функционирующих на данных платформах в России, Сингапуре, США, Франции, Великобритании и других зарубежных странах.

Метод сравнительного анализа зарубежных и российских практик деятельности новых субъектов публичной политики позволил определить отличительные особенности, основания и результаты актуализации новых субъектов публичной политики в сетевом обществе в зарубежных странах и особенности актуализации и функционирования новых субъектов публичной политики в современной России, а также выявить гибридные субъекты публичной политики.

Метод лингводискурсивного анализа онлайн-контента позволил определить способы актуализации новых политических субъектов как акторов публичной политики, что позволило выявить практики и механизмы, отличающие новых субъектов публичной политики от традиционных.

Эмпирическая база диссертации представлена различными типами источников, характеризующих процессы актуализации субъектности новых и деятельности традиционных политических субъектов:

– открытые данные новых и гибридных субъектов публичной политики в зарубежных странах: международная некоммерческая организация WikiLeaks (<https://wikileaks.org/wiki/Wikileaks/ru>); аккаунты блогеров в социальных сетях (Великобритания, Пол Стейнс: <https://order-order.com/>), аккаунты политиков в социальных сетях (Ален Жюппе (Франция, https://www2.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche/%28num_dept%29/4104), Дональд Трамп (США, From the Desk of Donald J. Trump («С рабочего стола Дональда Дж. Трампа»), www.donaldjtrump.com/desk)); сетевые движения Women's March (США, <https://womensmarch.com/>) и Black Lives Matter (США, <https://blacklivesmatter.com/>); сетевые партии «Движение пяти звёзд» (Италия, P blog di Beppe Grillo, <http://www.beppegrillo.it/listecivi-che/liste/fabriano/chisiamo.html>) и политические партии (Сингапур, Партия «Народное Действие», <https://twitter.com/PAPSingapore>; Партия «Прогресс», <https://psp.org.sg/>), онлайн-СМИ (Великобритания, США, Франция, The Independent, https://www.independent.co.uk/?utm_source=vsesmi_online, Free Republic, <https://freerepublic.com/home.htm>);

– открытые данные новых и гибридных субъектов в России: Алексей Навальный**¹ (<https://www.youtube.com/channel/UCsAw3WynQJMm7tMy093y37A>), Юрий Дудь***² (https://www.youtube.com/channel/UCMCgOm8GZkHp8zJ6l7_hIuA), Ксения Собчак (<https://www.youtube.com/channel/UCvQXaJTjA3jRucTKN4CGiwg>, https://www.instagram.com/xenia_sobchak/), Андрей Рудой

---

¹ Здесь и далее ** означает, что Алексей Навальный внесен в перечень экстремистов и террористов РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения 15.10.2022).

² Здесь и далее *** означает, что данные лица и организации внесены в перечень иностранных агентов. [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 15.10.2022).

(https://www.youtube.com/channel/UCQ_LYRUJzBfh-mvU14xCNMw), Максим Кац***¹ (<https://www.youtube.com/channel/UCUGfDbfRIx51kJGGHIFo8Rw>), Михаил Светов***² (<https://www.youtube.com/channel/UCWjEiMNZv4g3P9BWbrtMjyA>), Meduza***³ (<https://meduza.io/>), Lenta.ru (<https://lenta.ru/>), Дождь***⁴ (<https://tvrain.ru/>);

– материалы аналитических агентств «Медиалогия» и Brand Analytics; материалы зарубежных СМИ (Singapore Press, Francetvinfo, Washingtonpost); материалы информационных агентств России «ТАСС» и «РИА НОВОСТИ»; материалы сайта Фонда «Общественное мнение».

Научная новизна диссертационного исследования состоит в операциональном определении новых субъектов публичной политики и обосновании их содержательных характеристик. В работе формулируются отличительные особенности новых субъектов публичной политики в контексте актуализации поведенческого аппарата и их социально-политических действий в условиях сетевого общества. Научная новизна конкретизирована в следующих результатах:

1) на основе критического анализа теоретических оснований исследования уточнены информационно-дискурсивные, институциональные, управленческо-технологические, пространственные и социокультурные компоненты публичной политики;

2) определены основные характеристики Интернета как пространства формирования публичной политики в сетевом обществе; охарактеризованы этапы эволюции российской публичной политики в мировом контексте становления онлайн-пространства;

3) дано операциональное определение новых субъектов публичной политики; обоснованы содержательные характеристики новых субъектов публичной политики (гражданские журналисты, блогеры в социальных сетях, цифровые лидеры, сетевые партии, сетевые движения, онлайн-СМИ); предложена модель актуализации новых субъектов публичной политики, определяющая устойчивость и функциональность их деятельности;

4) на материалах кейс-стади выделены и охарактеризованы сложившиеся практики политической актуализации гражданских журналистов, блогеров в социальных сетях, цифровых лидеров, сетевых движений, сетевых партий и онлайн-СМИ в США, Великобритании, Сингапуре, Франции, Канаде и других странах;

---

¹ Здесь и далее *** означает, что данные лица и организации внесены в перечень иностранных агентов. [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 15.10.2022).

² Здесь и далее *** означает, что данные лица и организации внесены в перечень иностранных агентов. [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 15.10.2022).

³ Здесь и далее *** означает, что данные лица и организации внесены в перечень иностранных агентов. [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 15.10.2022).

⁴ Здесь и далее *** означает, что данные лица и организации внесены в перечень иностранных агентов. [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 15.10.2022).

5) определены отличительные характеристики актуализации субъектности, условия и институциональные ограничения развития новых субъектов публичной политики в современной России;

б) выделены две основные траектории развития новых субъектов публичной политики: функционирование новых субъектов политики в прежнем статусе на основе использования потенциала информационно-коммуникационных технологий; гибридизация новых субъектов политики на основе включения их в традиционную систему политического представительства.

Положения, выносимые на защиту:

1) Современная трансформация публичной политики обусловлена сетевой логикой развития социально-политических субъектов и взаимодействия между ними. Публичная политика в сетевом обществе – это пространство социально-политических действий (онлайн и офлайн), в котором происходит конструирование информационно-дискурсивных, институциональных, управленческо-технологических, пространственных и социокультурных практик. Основными характеристиками публичной политики в сетевом обществе являются: расширение публичного пространства за счет интеграции с Интернет-средой; формирование общественно-политического дискурса, интегрированного в офлайн- и онлайн-среду; институционализация сетевых структур гражданского общества в качестве акторов публичной политики; включение в процесс выработки и принятия решений неполитических субъектов; фрагментация и эклектичность ценностных оснований транзитных идентичностей участников сетевых коллективных действий.

2) Основными характеристиками Интернета как пространства формирования публичной политики в сетевом обществе является дихотомия личного и публичного, внушаемого и желаемого, достоверного и ложного, а также проницаемость границ онлайн- и офлайн-практик. Выделяются 4 этапа развития публичной политики в контексте становления онлайн-пространства. I этап – «Становление публичной политики в онлайн-пространстве (1991–2007 гг.)» – характеризуется перемещением политических лидеров в онлайн-пространство и конструированием разного рода политического контента в виде онлайн-платформ общественно-политического устройства, акцептом федеральных и региональных законодательных документов, в различном плане стремящихся побуждать формирование российского сегмента Интернета как национальной государственной онлайн-платформы. II этап – «Онлайн-платформы как новая арена публичной политики (2007–2011 гг.)» – ознаменовывается наложением публичной политики на онлайн-пространство. III этап – «Формирование новых субъектов публичной политики» (ноябрь 2011 – март 2020 гг.) – обусловлен развитием публичных практик в Интернете: новыми онлайн-технологиями в условиях избирательного цикла 2011–2012 гг., увеличением роли видеоконтента (популярность набирает формат интервью), признанием властью онлайн-пространства как поля политических практик, социальное действие в онлайн-пространстве вытекает в последствие в офлайн-

пространстве. Впервые в условиях российских реалий происходит активное проникновение власти в сетевые практики онлайн-взаимодействия как ответной реакции на высокую протестную активность населения, сформировавшуюся именно в российском сегменте Интернета. IV этап – «Политическая актуализация новых субъектов как равнозначных традиционным субъектам публичной политики» (март 2020 – по декабрь 2021 гг.) – характеризуется началом развития публичной политики в большей степени в Интернет, чем в офлайн, и трансформацией происходящих процессов; начало этапа ознаменовано глобальным социально-политическим кризисом, вызванного всемирной пандемией коронавируса.

3) Отличительной чертой новых субъектов публичной политики в условиях развивающегося сетевого общества является продуцирование и распространение асинхронного мультимодального дискурса, сочетающего различные типы контента. Основаниями актуализации новых субъектов политики (гражданские журналисты, блогеры в социальных сетях, цифровые лидеры, сетевые партии, сетевые движения, онлайн-СМИ) в онлайн-пространстве являются: цифровизация жизни в современном обществе; процессы сетевизации социально-политических процессов; интеграция онлайн-и офлайн-пространств публичной политики; трансформация новостного контента и изменение моделей потребления информации и новостей в эпоху постправды; возникновение «пятой власти» (гражданская журналистика). Процесс актуализации новых субъектов публичной политики в сетевом обществе включает 4 последовательных стадии: появление условий вхождения в политический процесс; возникновение информационного потока, необходимого для формирования дискурса; вхождение в политическое окно публичной политики; достижение эффекта политического участия и обеспечение устойчивости деятельности новых субъектов.

4) Сложившиеся практики политической актуализации новых субъектов публичной политики обладают специфическими особенностями: сетевой принцип формирования субъекта и его деятельности; свобода входа и выхода в дискурсивно-коммуникативном пространстве; множественность и неоднозначность конструируемых дискурсов и их глобальная адресация; использование технологий онлайн-мобилизации для консолидации офлайн-действий; применение манипулятивных технологий. На основе указанных практик формируются определенные дискурсивные характеристики деятельности новых субъектов публичной политики в онлайн-пространстве: независимость в отражении собственной позиции; воздействие на формирование социально-политических смыслов; структурирование и трансляция сценариев поведения. Мобилизация новых субъектов публичной политики для активных политических действий происходит в рамках контекстуальных ограничений (ситуативность в условиях кризисов или внешних факторов; актуализация значимости конкретных проблем).

5) Позиционирование и функционирование новых субъектов в российской публичной политике осуществляется на основе информационно-

коммуникационных технологий онлайн-пространства обеспечивающих: многообразие способов и возможностей размещения мультимодального контента; автономность и динамичность продвижения новостного контента в различных социальных сетях; выработку способов решения проблем и трансфер данных способов в офлайн-практики; накопление политического капитала в онлайн-пространстве и его конвертацию в различные формы поддержки и политического действия в офлайн; использование мессенджеров при решении тактических задач новыми субъектами политики. В российских условиях получили развитие такие новые субъекты публичной политики как гражданские журналисты, блогеры, цифровые лидеры, сетевые движения, онлайн-СМИ. Сетевые политические партии не актуализированы в российской практике вследствие институциональных ограничений, связанных с партийным и избирательным законодательством.

б) На основе проведенного анализа выделены две перспективные траектории развития новых субъектов публичной политики. Первая траектория характеризуется функционированием новых субъектов (блогеры, гражданские журналисты), которые участвуют в формировании общественно-политического дискурса, политической повестки дня, политической мобилизации и в процессах выработки политических решений для урегулирования публичных проблем в прежнем статусе на основе использования потенциала информационно-коммуникационных технологий. Вторая траектория складывается вследствие гибридизации новых субъектов политики на основе их включенности в традиционную систему политического представительства: избрание в законодательные органы государственной власти и представительные органы местного самоуправления, назначение на должность, рекрутирование в политическую элиту и др.

Теоретическая и практическая значимость диссертации.

Теоретическая значимость диссертации обусловлена её новизной и заключается в постановке и решении важной для науки проблемы актуализации новых политических субъектов как акторов публичной политики в контексте сетевого общества. Выделенные структурные и процессуальные характеристики новых субъектов публичной политики могут стать концептуальной основой для дальнейших теоретико-прикладных исследований данного явления в компаративных и кросс-региональных сравнениях.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования практических выводов для разработки рекомендаций органам власти по развитию конструктивного потенциала новых субъектов политики и их включения в процесс выработки инновационных способов решения общественно-значимых проблем. Подходы, эмпирические данные и политические технологии могут быть интегрированы в учебные курсы образовательных программ по подготовке кадров в области публичной политики и государственного управления.

Соответствие содержания диссертационного исследования паспорту научной специальности. Диссертация выполнена в рамках специальности

5.5.2. – «Политические институты, процессы, технологии» и соответствует следующим направлениям исследований: 4. Механизмы и технологии традиционной и цифровой политики: формы и уровни организации; 8. Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации; 14. Политический процесс: сущность, источники, структура, социальные основания и средовые факторы; 19. Глобализация, сетевизация и цифровизация: политические аспекты; 29. Информационные процессы и управление политическими коммуникациями: традиционные СМИ, социальные медиа и сети.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были изложены автором в 19 научных работах общим объемом более 10 печатных листов (в том числе: 2 статьи в изданиях, рецензируемых в базе Web of Science (WoS); 3 статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации результатов кандидатских диссертаций; 15 статей в изданиях, индексируемых в базе данных РИНЦ) и представлены как выступления на различных научных мероприятиях, в том числе на Всероссийских конгрессах РАПН (г. Москва, 2018, 2019, 2020 гг.); международных (Москва, 2018, 2019, 2020, Минск 2019, Санкт-Петербург, 2019) и всероссийских конференциях (Краснодар, 2018, 2019, 2020, Пермь, 2018), а также конференциях с международным участием (Краснодар, 2019).

В рамках проблематики диссертационного исследования автор принял участие в качестве исполнителя в 3 научно-исследовательских проектах: грант РФФИ проект № 20-011-31626 «Управление цифровой социально-политической повесткой дня в онлайн-пространстве: субъекты, технологии и результаты), 2020 г.; грант РФФИ, проект № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств в эпоху постправды», 2018-2020 гг.; грант Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № МК-3430.2015.6 «Конструктивный и деструктивный потенциал онлайн социальных сетей в публичной политике России: методика стохастического моделирования поведения», 2015-2016 гг.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры государственной политики и государственного управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», протокол № 5 от 08.11.2022 г.

Структура работы состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка использованных источников.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, дается характеристика степени ее научной разработанности, определяются объект, предмет и гипотеза, формулируется цель и задачи исследования, раскрывается

научная новизна и практическая значимость, описываются используемые методы и подходы, рассматривается эмпирическая база диссертационной работы, представляются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические основы исследования субъектов публичной политики в условиях сетевого общества» состоит из трёх параграфов и рассматривает концептуальное содержание понятийного аппарата сетевого общества как платформы формирования публичной политики.

В первом параграфе раскрыты основные аспекты публичной политики и сетевого общества, выявлены подходы к определению публичной политики и сетевого общества, в результате чего сформулировано собственное определение публичной политики в сетевом обществе.

Во втором параграфе представлена периодизация процессов в Интернет в области публичной политики в контексте сетевого общества с позиции событийности, в процессе которой актуализируются субъекты публичной политики.

В третьем параграфе определены традиционные, новые и гибридные субъекты публичной политики. Описаны существующие модели и подходы традиционной политической субъектности и сформулирована собственная модель актуализации новых субъектов публичной политики.

В первом параграфе «Публичная политика в условиях сетевого общества: концептуальные подходы к исследованию, содержание и измерение» рассматривается развитие сетевого подхода к изучению общества, его трансформация и междисциплинарное применение.

Раскрыта специфика публичной политики с позиции её основных компонентов: пространственного, информационно-дискурсивного, институционального, управленческо-технологического, социокультурного. Вместе с тем определяется как политическая наука интегрирует в себя сетевые практики из различных областей научного знания: естественно-научной, философской, социологической. Также рассмотрена сетевая публичная политика, обусловленная сетевой логикой развития социально-политических субъектов.

В результате применения сетевого подхода определенной областью науки для пересмотра своего понятийно-категориального аппарата, в социальной сфере происходит внедрение инновационных сетевых практик. Все инновационные практики, которые были порождены различными отраслями научного знания, меняют структуру привычных устоев и выстраивают реальность, как сетевое общество.

В параграфе рассмотрены основные подходы, которые политическая наука адаптирует с целью встраивания в концепцию построения политических процессов и сетевых практик. Философская трактовка теории сетевого общества постулирует радикальные сдвиги в социальной жизни ввиду широкого распространения информационных процессов. Теория графов, пришедшая из естественно-научной области знания, раскрывает суть функционирования социальных платформ, породивших технику «лайка» и гражданское

взаимодействие. Социологическая область знаний позволяет применять адаптированную теорию социальной мобильности, социального действия и социального взаимодействия для объяснения и прогнозирования социально-политических явлений.

Политологическая концепция сетевого взаимодействия заключается в рассмотрении общества как сетевой структуры, в котором публичная политика носит сетевой характер. Разрабатываются подходы, позволяющие использовать сетевую организацию общества для оптимизации социально-политических процессов. Как следствие, популярность набирают краудсорсинговые платформы.

Публичная политика является частью публичной сферы, в которой происходящие процессы конструируются по правилам сетевого общества. Публичная сфера – это пространство, в котором формируется публичная политика. Нам наиболее близка позиция Ю. Хабермаса¹, который выделяет эволюцию публичной сферы, в которой трансформируются практики формирования субъектов, представительства интересов и практики согласования интересов, практики включённости различных субъектов в процесс принятия решений.

Определяя термин публичной политики, мы говорим о выработке и согласовании интересов, которые кристаллизуются в пространстве публичной сферы. Интересы репрезентируются в субъектной позиции тех или иных акторов публичной политики, в практиках, в выработке решений с участием гражданского общества.

Таким образом, сетевая публичная политика – это пространство социально-политического действия (онлайн и офлайн), в котором происходит конструирование информационно-дискурсивных, институциональных, управленческо-технологических, пространственных и социокультурных практик. Публичная политика в сетевом обществе характеризуется дискурсивностью и созданием условий для включения неполитических субъектов в процесс выработки и принятия решений. В публичной политике в сетевом обществе вертикальный стиль управления заменяется на комбинированный (вертикальный и горизонтальный); внедряются инновационные социальные практики и происходит тиражирование опыта; происходит трансформация публичной сферы; понятие расстояния заменяется понятием времени; трансформируется понимание относительной доступности (онлайн и офлайн).

Во втором параграфе первой главы «Интернет как пространство формирования публичной политики в сетевом обществе» рассмотрено развитие Интернета как пространства формирования публичной политики в сетевом обществе. Проанализирован российский сегмент Интернета (на последнем этапе с включением зарубежных практик), как инструмент публичной политики в контексте сетевых коммуникаций, где выделены этапы, в которых

---

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. 2001.

изменяются технологические особенности и правила поведения в сети. Вместе с тем рассмотрены особенности построения публичной политики в Интернет-пространстве в условиях развития сетевого общества, информационных и цифровых технологий.

Мы охарактеризовали Интернет как пространство формирования публичной политики в сетевом обществе и выявили специфику эволюции Интернет-пространства с позиции особенностей политической субъектности. На первом этапе традиционные субъекты публичной политики имеют большое влияние и пытаются интегрироваться в онлайн-пространство, где начинают формироваться новые субъекты публичной политики. На втором этапе происходит приравнивание социально-политических действий, совершенных политическими субъектами в Интернете и в офлайн. На третьем этапе происходит активная актуализация новых субъектов публичной политики, чему способствует резкое увеличение аудитории Интернета и социальных сетей. На четвертом этапе новые субъекты публичной политики становятся равнозначными традиционным субъектам.

В онлайн-пространстве происходит размывание границ всего того, что является личным в публичном представлении, и выделение дихотомии онлайн и офлайн необходимо для обозначения особенностей процессов, происходящих в этих пространствах, но, бесспорно, – это части одного физического пространства. Онлайн-пространство и офлайн-пространство являются измерениями взаимодействия с разным потенциалом влияния, где прослеживается состояние диффузии между привычками пользователя в онлайн- и офлайн-среде. Политический дискурс имеет особенность миграции из сетевого пространства в реальные действия, моделируя происходящие процессы, превращая их в конкретные конструктивные или деструктивные практики социального действия. Интернет-пространство воспринимается участниками политического процесса как новая «городская площадь для публичных выступлений», но не все осведомлены о возможности существования «информационного дисбаланса» в онлайн-пространстве, когда каждый участник процесса коммуникации получает персонифицированное сообщение, находясь при этом в полной уверенности, что все участники процесса получили подобное сообщение по смыслу и содержанию.

Процессы, которые происходят в Интернет, выстраиваются по определённым правилам, которые необходимо соблюдать для того, чтобы не потерять репутацию и рейтинг доверия аудитории Интернет-среды. Сетевые структуры, которые формируются социальными сетями, конструируют видение публичной политики и являются основополагающими политическими акторами.

В контексте эволюции Интернет-пространства как поля реализации политических практик субъектами публичной политики, нами предложена новая дополненная периодизация, определяющая важные изменения, произошедшие в Интернет и повлиявшие на особенности порождения некоторых процессов в политическом дискурсе с позиции субъектности.

Первый период характеризуется становлением публичной политики в онлайн-пространстве, в котором происходит перемещение политических лидеров в онлайн-пространство и конструирование разного рода политического контента в виде онлайн-платформ общественно-политического устройства. В этот период происходит формирование федеральных и региональных законодательных документов, в результате чего происходит конструирование российского сегмента Интернета как национальной платформы онлайн-пространства государства. Второй период ознаменован развитием онлайн социальных сетей с позиции новой площадки публичной политики, где происходит взаимодействие между политическими элитами и гражданским обществом. Третий период характеризуется особенностями формирования новых субъектов публичной политики, что обусловлено развитием публичных практик в Интернете в контексте событий, связанных с избирательным циклом и протестной активностью, где активное включение политической элиты в онлайн-практики послужило способом контроля политического дискурса и общественного мнения. Четвертый период связан с политической актуализацией новых субъектов как равнозначных традиционным субъектам публичной политики, который продолжается по настоящее время.

В третьем параграфе первой главы «Субъекты публичной политики: содержательные характеристики, формы актуализации» рассмотрены содержательные характеристики и формы актуализации субъектов публичной политики, которые классифицированы как традиционные, обладающие универсальными характеристиками, и новые, отличительной чертой которых являются сетевые ресурсы формирования и актуализации субъектности. Вместе с тем, будет выведен гибридный тип субъектности и представлены его основные характеристики.

Рассмотрев существующие модели процесса публичной политики, мы адаптировали модель политических потоков для разработки авторской модели актуализации новых субъектов публичной политики в сетевом обществе. Процесс актуализации делится на 4 части: условия (основания) вхождения в политический процесс; поток, в контексте которого формируется дискурс; вхождение в политическое окно на поле публичной политики; результат и эффективность (критерии), длительность существования.

1) Неполитические субъекты, проходя через условия актуализации субъектности (дискурсивность, онлайн, ситуативность, нелинейность, проблемность, горизонтальность), становятся новыми субъектами публичной политики. Политические субъекты, которые проходят через те же условия, становятся гибридными субъектами публичной политики, при этом условия, в которых уже существовали традиционные субъекты, накладываются на условия актуализации, присущие новым субъектам публичной политики.

В отличие от традиционных субъектов публичной политики новые субъекты актуализируются в онлайн-пространстве, где руководствуются дискурсивными практиками в контексте произошедших значимых событий, которые тиражируются, обсуждаются, передаются. Эти события носят

ситуативный характер и побуждают новых субъектов публичной политики актуализироваться внесистемно, нелинейно и в контексте проблемы. Актуализация новых субъектов публичной политики носит горизонтальный характер, распределяя потоки и дискурс по сетевому принципу.

2) Формирование дискурса, побуждающего к актуализации новых субъектов публичной политики, происходит в контексте трёх потоков: проблемный поток, поток политики, политический поток. Проблемный поток характеризуется информационным шумом вокруг конкретной проблемы, которая как правило возникает из значимых событий. Поток политики, формирующийся гражданским обществом, характеризуется транслированием позиций и взглядов, присущих конкретным лидерам мнений (коллективным или индивидуальным субъектам). Политический поток характеризуется конкретными социально-политическими действиями, которые отражают общественные настроения.

3) Вхождение в политическое окно на поле публичной политики. Новые субъекты пытаются включиться в практику принятия управленческих решений посредством значимых тиражируемых событий и посредством политического окна, позволяющего связаться с «политическими предпринимателями», которые обеспечат решение возникшей проблемы. Цель вхождения в политическое окно имеет несколько характеристик: включение в поле публичной политики ради выгоды или пиара, включение в поле публичной политики с намерением связаться с политическими предпринимателями для решения проблемы. Политическое окно закрывается, когда проблема переходит в стадию результата и решения или значимое событие завершается. Существует вероятность, что политическое окно не откроется в силу возникновения барьеров, связанных с прекращением тиражирования информационных потоков, отсутствием возможности легитимизации действий политических субъектов, когда сформированный дискурс теряет свою актуальность.

4) Результат и эффективность (критерии), длительность существования. Для новых субъектов публичной политики результатом актуализации и деятельности будет само участие в политическом процессе, где критериями эффективности будут: сам факт участия в политическом процессе как актора и тиражирования политической повестки дня; переход из состояния субъекта в состояние политического субъекта; долгосрочность тиражирования повестки; конкретные решения; конструирование узнаваемого имиджа. В результате вхождения новых субъектов в политический процесс они становятся гибридными субъектами, поскольку условия, которые присущи новым субъектам не вписываются в легитимизацию принятия политических решений. В результате происходит коллаборация новых и традиционных субъектов публичной политики, в результате чего образуются гибридные субъекты публичной политики.

Таким образом, в ходе анализа субъектов публичной политики нами были выделены основные субъекты публичной политики: традиционные – государство, органы государственной власти, политические партии, институты гражданского общества, некоммерческие организации и объединения,

традиционные СМИ, обладающие универсальными характеристиками и условиями актуализации (нормативность, офлайн, системность, линейность, историчность, вертикальность); и новые – гражданские журналисты, блогеры, цифровые лидеры, сетевые партии, сетевые движения, онлайн-СМИ, отличительной чертой которых является использование цифровых- и Интернет-технологий как инструментов выстраивания политического дискурса и актуализации субъектности. Была разработана модель актуализации новых субъектов публичной политики, состоящая из условий актуализации новых субъектов публичной политики (дискурсивность, онлайн-представительство, ситуативность, нелинейность, проблемность, горизонтальность); потока, в контексте которого формируется дискурс; вхождения в политическое окно на поле публичной политики; результата – эффективности и длительности существования.

Вместе с этим мы выявили возникновение гибридных субъектов публичной политики, которые являются акторами общественно-политического процесса, актуализация которых основывается на соединении практик онлайн- и офлайн-пространства, проявляющихся как коллаборация традиционных и современных оснований субъектности.

Вторая глава «Практики актуализации новых субъектов публичной политики: компаративный анализ» состоит из трёх параграфов и посвящена анализу актуализации новых субъектов публичной политики на примере разных стран.

В первом параграфе второй главы «Основания и результаты актуализации субъектности новых субъектов публичной политики в сетевом обществе: зарубежные кейсы» представлены направления деятельности, в условиях которой происходит актуализация субъектов как новых акторов публичной политики в сетевом обществе. Вместе с тем выделены основные специфические черты, отражающие процесс актуализации новых субъектов публичной политики; раскрыты закономерности и условия функционирования новых субъектов как акторов публичной политики – кейс «Гражданские журналисты» (международная некоммерческая организация WikiLeaks), кейс «Цифровые лидеры» (Дональд Трамп, США), кейс «Сетевые партии» («Движение пяти звёзд», Италия), кейс «Блогеры» (Великобритания), кейс «Сетевые движения» (Women's March / «Женский марш» и Black Lives Matter / «Жизнь черных важна», США), кейс «Онлайн-СМИ» (Великобритания, США, Франция).

Критериями отбора кейсов являлись масштаб охвата, страна, исключительность или типичность, индивидуальность, временной характер или период. Анализ кейсов проводился на основе модели актуализации новых субъектов публичной политики.

Необходимо подчеркнуть, что в сетевом обществе в контексте публичной политики актуализируются новые субъекты публичной политики: гражданские журналисты, актуализацию которых мы рассмотрели на примере международной некоммерческой организации WikiLeaks; блогеры, проявившие

свою деятельность на примере кампании Брексит в Великобритании; цифровые лидеры на примере первой кампании в президенты Дональда Трампа; сетевые движения (Women's March / «Женский марш» и Black Lives Matter / «Жизнь черных важна»); сетевые партии на примере итальянской сетевой партии «Движение пяти звёзд»; онлайн-СМИ на примере конструирования дискурса вокруг значимых событий в мире.

В контексте модели актуализации новых субъектов публичной политики в зарубежной практике чётко проявляются условия актуализации новых субъектов публичной политики. В первую очередь, возникновение новых субъектов в онлайн-пространстве, где возможности подключения к политическому процессу в форме потоков трансформируют действия в онлайн-пространстве в реальные политические действия в офлайн-среде. Нелинейность и горизонтальность происходящих процессов обеспечивают отсутствие иерархичности в формировании структуры новых субъектов, а это, в свою очередь, повышает доверие сторонников, последователей и гражданского общества, вызывая интерес к политическому участию. Ситуативность и проблемность как условие актуализации дают толчок к мобилизации новых субъектов, в результате чего формируется дискурсивность. Условия актуализации и потоки позволяют неполитическим субъектам преобразоваться в политические субъекты.

Возможностями подключения к политическому процессу для новых субъектов публичной политики будут три потока. Проблемный поток характеризуется значимыми событиями, поток политики характеризуется конструированием политическими обществами и элитами резонансного дискурса, в контексте которого действуют новые субъекты, и политический поток включает в себе общественные настроения и организованные политические интересы. В некоторых случаях действия новых субъектов основываются на одном или двух потоках, где поток политики не всегда имеет первостепенное значение.

Затем актуализированные новые субъекты в потоке входят в политическое окно, где результатом актуализации новых субъектов публичной политики является вхождение в политический процесс и долгосрочность их деятельности. Иногда новым субъектам публичной политики не удается войти в политическое окно в силу образования барьеров (прекращение актуальности проблемы и дискурса, отсутствие легитимации, неправомерные действия). Новые субъекты могут участвовать в политическом процессе опосредованно – косвенно конструировать повестку и участвовать в практике принятия управленческих решений и законотворческой деятельности.

Описанные кейсы подтверждают особенности функционирования цифровых лидеров, гражданских журналистов, сетевых движений и сетевых партий, блогеров и онлайн-СМИ как акторов публичной политики в зарубежных странах.

Во втором параграфе второй главы «Особенности актуализации и функционирования новых субъектов публичной политики в современной России» выделены особенности актуализации и функционирования новых

субъектов публичной политики в современной России. Они имеют схожие практики проявления субъектности в сравнении с зарубежными странами. Раскрыты закономерности и условия функционирования новых субъектов как акторов публичной политики: кейс «Сетевые движения» (Putin Team), кейс «Цифровой лидер» (Алексей Навальный**, Ксения Собчак), кейс «Гражданские журналисты» (Юрий Дудь***, Ксения Собчак), кейс «Блогеры» (Андрей Рудой, Максим Кац***, Михаил Светов***), кейс «Онлайн-СМИ» (Meduza***).

Следует подчеркнуть, что на базе модели актуализации новых субъектов публичной политики в политический процесс мы рассмотрели процесс формирования и функционирования новых субъектов, а также особенности закрепления новых субъектов публичной политики как акторов политического процесса в российском пространстве.

Новыми субъектами публичной политики в российской системе являются сетевые движения (Putin Team), цифровые лидеры (Алексей Навальный**, Ксения Собчак), гражданские журналисты (Юрий Дудь***, Ксения Собчак), блогеры (Андрей Рудой, Максим Кац***, Михаил Светов***), онлайн-СМИ (Meduza***). В российской практике нет сетевых партий, что обусловлено отсутствием условий легитимации участия сетевой партии в российском политическом процессе.

Условия актуализации новых субъектов публичной политики показали, что онлайн-кампания и онлайн-деятельность больше не является обычным дополнением к физической кампании и деятельности офлайн. Дискурс в онлайн-пространстве определяет повестку и вектор действий в реальном политическом процессе.

Сравнивая актуализацию новых субъектов в российском и зарубежном пространстве, можно выделить ряд схожих и отличительных особенностей.

Схожими чертами субъектности можно назвать условия актуализации новых субъектов публичной политики. В российской и зарубежной практике новые субъекты публичной политики образуются в онлайн-пространстве в условиях социально-политической дискурсивности, проблемности, ситуативности, с горизонтальным и нелинейным распространением актуализации. Схожими являются возможности включения в политический процесс, основанный на трех потоках: проблемном, политическом и потоке политики.

Основополагающим фактором, определяющим наличие отличительных черт между зарубежной практикой и российской, является более ранняя актуализация новых субъектов публичной политикой за рубежом, связанная с долгой практикой использования онлайн-пространства как площадки развития публичной политики. В российской практике произошло более позднее признание новых субъектов как акторов политического процесса.

Отличительной особенностью зарубежных субъектов является масштабность их актуализации и деятельности, что проявляется в тиражировании дискурса за пределами одной страны.

Российская политическая система характеризуется присутствием более персонифицированных субъектов, основанных на узнаваемости личности, а не самой специфике политического движения и способах его формирования.

В российской практике нет прямого участия новых субъектов в практике конструирования и принятия управленческих решений в силу недавнего возникновения и признания новых субъектов публичной политики. В частности, гражданская журналистика в большей степени основана на аудиовизуальном контенте, в сравнении с традиционным текстовым форматом представления данных. Онлайн-СМИ, блогеры и гражданские журналисты отличаются между собой способом позиционирования и целями, которую преследуют.

В третьем параграфе «Проблемы и перспективы развития новых и гибридных субъектов публичной политики в условиях сетевого общества» отражены практики трансформации новых и традиционных субъектов публичной политики и процесс формирования гибридных субъектов публичной политики, которые конструируются путём интеграции традиционных и новых субъектов публичной политики. Рассмотрены перспективы развития новых и гибридных субъектов публичной политики и определены основные вызовы и угрозы функционирования данных субъектов в условиях сетевого общества.

В результате можно спрогнозировать потенциальные проблемы и перспективы развития новых субъектов публичной политики в условиях сетевого общества.

Коллаборация традиционных и новых субъектов публичной политики приводит к образованию гибридных субъектов публичной политики. Неполитический субъект прошёл основания актуализации субъектности, стал новым субъектом публичной политики и вошёл в политический процесс. В дальнейшем он развивается в двух направлениях. Как новый субъект он остается вне политического процесса или, если он вовлечен в политический процесс (участвует в предвыборной кампании, имеет институциональную принадлежность), занимает статус и развивается как традиционный политический субъект, например, использует все виды СМИ, без выделения онлайн- или офлайн-практик. Другое направление развития предполагает, что субъект публичной политики в статусе традиционного субъекта продолжает работать как новый политический субъект: основным полем его деятельности остаётся онлайн-пространство, через которое он постоянно конвертирует свой политический капитал, выполняя функции традиционного политического субъекта. Иными словами, он начинает функционировать в статусе традиционного политического лидера, но используя технологии, механизмы взаимодействия, обратной связи, работы с общественным мнением, целевой аудиторией, применяемые новыми политическими субъектами. Эти два направления являются условиями формирования гибридных субъектов, то есть: «вошел как новый политический субъект – занял статус традиционного – продолжает работать как новый» или «вошёл как традиционный – использует практики новых субъектов публичной политики».

Первый путь гибридизации традиционных и новых субъектов публичной политики предусматривает проявление функциональных особенностей субъекта как гибридного (функции новых в статусе традиционного). Второй путь гибридизации предполагает, что субъект уже находится в политическом окне, участвует в политических процессах, но при этом начинает работать как новый политический субъект. Это два пути слияния новых субъектов со своим статусом традиционного и традиционных политических субъектов – с технологиями новых.

В контексте перспектив функционирования новых и гибридных субъектов публичной политики мы говорим об особенностях политических практик в онлайн-пространстве, которые строятся на специфике действий, выстраиваемых в Интернете: размещение контента и особенность построения контент-плана в различных социальных сетях; особенность решения проблемы и социальное действие из онлайн в офлайн; грамотное использование политического капитала; использование мессенджеров; тонкости работы с репутацией; построение политической этики и использование видеоконтента.

Особенности формирования социально-политического контента в контексте цифровых и информационно-коммуникационных технологий являются причиной конструирования новой политической культуры граждан, особенностями становления которой являются: получение политических знаний через свободный доступ к информации; трансформация знаний в убеждения; формирование политической ориентации политических и неполитических субъектов; реализация субъектной ориентации в политической культуре. В этой поэтапной трансляции и лоббировании социально-политического контента наблюдается не только направленная передача гражданам элементов политической культуры, но и преобразование некоторых элементов, которые в конечном счете способствуют формированию новой политической культуры.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются выявленные проблемы и предлагаются практические рекомендации по их решению, выделяются дальнейшие направления для изучения проблематики исследования.

3. СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в базе Web of Science (WoS):

1. Shestakova A., Ryabchenko N., Vulfovich, B. The new pre-election campaign communication model: political transformations under the influence of social media // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Art SGEM 2018. STEF92 Technology Ltd. Bulgaria, 2018. Book number 4.1. Pages. 277-284. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/4.1/S16.036

2. Shestakova A., Vulfovich B., Katermina V. Regional Political Discourse As An Object Of Interdisciplinary Research // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2020. Том 97. С. 262-269. DOI:10.15405/epsbs.2020.08.73

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Шестакова А.А. Особенности и практики функционирования цифровой личности как политического субъекта в онлайн-пространстве // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 4. С. 35–42. <https://doi.org/10.24158/per.2022.4.5>.

2. Шестакова А.А., Николаева М.В. Дискурсивные поля политических партий в информационном онлайн-пространстве в период электорального цикла 2021 года // Общество: политика, экономика, право. 2022. №5. С. 43-49. <https://doi.org/10.24158/per.2022.5.5>.

3. Шестакова А.А., Рябченко Н.А., Гнедаш А.А., Малышева О.П., Николаева М.В. Социально-политический контент и региональный дискурс в современной России: что обсуждают граждане в online-пространстве, и что предлагают кандидаты на пост губернатора в предвыборных программах (точки пересечения и линии разлома) // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 27-48.

Публикации в других изданиях (индексируются в РИНЦ):

1. Шестакова А.А. Трансформация традиционных акторов публичной политики: на примере анализа telegram-каналов политических партий // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы: Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16-18 декабря 2021 г. / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 580. ISBN 978-5-7567-1170-7

2. Шестакова А.А., Николаева М.В. Как СМИ формируют дискурсивное политическое пространство в Интернете: триггерные точки взаимодействия «партии – электорат» // «Политическое в условиях цифровых трансформаций». Издательство «Аспект Пресс», г. Москва. 2022. Оригинал-макет сборника в формате ePDF размещается в Научной электронной библиотеке (eLibrary.ru), Издание включается в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). (Публикация в печати)

3. Шестакова А.А. Трансформация социально-политических коммуникативных стратегий и образование новых акторов политического процесса в online-пространстве под влиянием цифровых технологий // Человек. Сообщество. Управление: 2020: материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 387-389.

4. Шестакова А.А., Катермина В.В., Вульфович Б.Г. Влияние интернет-пространства на межкультурную коммуникацию и деловое общение (на материале предвыборных кампаний Д. Трампа и К. Собчак) // Актуальные

проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: сборник материалов IX Международной научной конференции. Москва, РУДН, 24–25 сентября 2020 г.: в 2 ч. – Москва: РУДН, 2020. С. 217-220

5. Шестакова А.А. Выявление особенностей социально-политических коммуникативных стратегий «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов». Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2020» [Электронный ресурс] / Отв.ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. – Электрон. текстовые дан. (1500 Мб.) – М.: МАКС Пресс, 2020. С. 1-2.

6. Шестакова А.А. Особенности восприятия социально-политической информации субъектами сетевого общения. Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020, Москва, МПГУ, 27-28 ноября 2020 г. / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В., Сморгунова Л.В., Тимофеевой Л.Н. - М.: Изд. МПГУ, 2020. С. 588-589.

7. Шестакова А.А. Специфика восприятия социально-политического контента субъектами сетевой коммуникации: видеохостинг YouTube и «другая» политика. Политика развития в условиях цифровизации общества: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Краснодар: Вика-Принт, 2020. С. 358-360.

8. Шестакова А.А., Рябченко Н.А. Особенности восприятия социально-политического контента «цифровыми аборигенами» и «цифровыми мигрантами». Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Уфа, 24 – 26 ноября 2020 г.) / отв. ред. Р.Б. Шайхисламов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 145-148.

9. Шестакова А. А. Когнитивный профиль пользователя социальных сетей: политическое восприятие цифровых «аборигенов» и цифровых «мигрантов». Секция «Социальные исследования и современность». Подсекция «Социология политических процессов». Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2019. С. 1-2.

10. Шестакова А. А. Новые акторы политического процесса в online-пространстве. Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя: материалы XIX Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 456-457.

11. Шестакова А. А. Когнитивные особенности политического восприятия цифровых «аборигенов» и цифровых «мигрантов». Политика в сетевом обществе: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Адлер, 16-19 мая 2019 г.) / редкол. Е.В. Морозова [и др.]. – Краснодар: Вика-Принт, 2019. С. 369-372.

12. Шестакова А. А. Влияние цифровых технологий на трансформацию социально-политических коммуникативных стратегий и формирование социального действия. Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. – Москва: МГПУ, 2019. С. 443-444.
13. Шестакова А.А., Рябченко Н.А. Цифровой человек: границы коммуникативных практик в сетевом взаимодействии. Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матер. 57-го междунар. форума (19–20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В. В. Васильева. 2018. — СПб.: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2018. Т. 2. № 2. С. 121-122.
14. Шестакова А.А. Цифровая личность: границы и барьеры коммуникативных практик в сетевом взаимодействии. Материалы международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», 18-19 апреля 2018 г. - М.: АО «ВЦИОМ», 2018. С. 422-426.
15. Шестакова А.А. Цифровой человек: границы сетевого взаимодействия. Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 390-391.
16. Катермина В.В., Шестакова А.А. Герои online-сетевых практик – цифровая личность: типология и стратегии поведения. Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. С. 6-9.
17. Вульфович Б. Г. Шестакова А.А. Новая коммуникативная модель предвыборной кампании: политические трансформации под влиянием социальных медиа. Материалы V Всероссийского форума молодых политологов, Москва, 8 декабря 2018 г. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 275-277.

ШЕСТАКОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА

**НОВЫЕ СУБЪЕКТЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ
СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Подписано в печать 27.04.2023 г. Формат 60x84 1/16

Печать цифровая. Уч.-изд. л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ № 5243.1

Издательско-полиграфический центр

Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149